

ПОДИ ТУДЫ – НЕ ЗНАМО КУДЫ, ПРИНЕСИ ТО – НЕ ЗНАМО ШТО

В некотором государстве жил-был царь разведённый: стара жена ему надоела, он ея и сбаврил в монастырь. На всякия вопросы отмахивался: мол, недосуг, царствие все силы отнимат, поскоку ума у ево было маловато. А на кухонной службе был у ево стрелок по имени Андрей.

Пошёл раз стрелок на охоту. Ходил, ходил целый день по лесу – не мог на дичь напасть. Время к вечеру, идёть обратно в досаде. Видить вдругорядь – сидить на дереве горлица. «Дай, – думайть, – стрельну хучь ету».

Стрельнул и подранил – свалилась горлица с дерева на сыру землю. Поднял ея Андрей, хотел добить и положить в сумку. И вдруг горлица заявляить человеческим голосом:

– Не губи мене, Андрей-стрелок, возьми домой, посади на окошко. Да смотри, как найдёть на мени дремота – сразу бей мене правой рукой наотмашь: добудешь сабе щастье.

Удивился Андрей: што за чудо? С виду птица, а гутарить по-человечески. Принёс горлицу домой, перевязал ранку, посадил на окошко, сам стоять рядом. И вот горлица положила головку под крылышко и задремала. Андрей ка-ак ударить ея правой рукой! Пала горлица на пол и обернулася девицей, Марьей-царевной, да такой прекрасной, што ни вздумать, ни взгадать, тока в сказке сказать. Говорить она стрелку:

– Сумел меня взять, умей и удержать – буду табе честой да веселой женой.

На том и поладили. Женился Андрей-стрелок на Марье-царевне и живёть с ей щасливо. И службы не забывают: кажное утро ни свет ни заря идёть в лес, настреляить дичи и несёть на царску кухню. Пожили недолго, Марья-царевна замечат:

– Бедно живешь ты, Андрей!

– Да так большинство у нас живёт, я не исключение из общего правила.

– Вот што, добудь-ка рублей сотню, купи на энти деньги разного шёлку, я его дело поправлю.

Андрей пошёл к товаришам, у кого рубль, у кого два стрельнул, накупил разново шёлку и принёс домой. Ночью Андрей лёг спать, а Марья-царевна села ткать. Всю ночь ткала и выткала ковёр, коево в целом свете не видывали: на ём всё наше царство расписано, все 11 часовых поясов с городами и деревнями, с лесами и нивами, и птицы в небе, и звери на горах, и рыбы в морях, кругом луна и солнце ходють. Наутро Марья-царевна вручат ковёр мужу:

– Понеси на гостиный двор, продай купцам, да смотри – своей цены не запрашивай, а што дадут, то и бери.

Андрей взял ковёр, повесил на плечо и пошёл по гостиным рядам. Тут же подбегат к ему купец:

– Почтенный, скока спросишь?

– Ты торговый человек, ты и цену давай.

Купец думал, думал – не можить оценить ковра. Подскочил другой, за ним – ишо. Собралась толпа, смотрять на ковёр, дивуюца, а оценить не могут. Тут как раз проезжал мимо рядов царский советник, и захотелось ему узнать, отчево толпа. Вышел из кареты, насилу пропихался, посмотрел на ковёр и дался диву:

– Скажи, стрелок, откуда таков славный ковёр?

– Так и так, моя жана вышила.

– Скока тебе дать за ево?

– А я и сам не знаю. Жана наказала не торговаться.

– На, вот тебе, стрелок, десять тыщ.

Андрей взял деньги и пошёл домой. А царский советник поехал к царю и показыват ему ковёр.

Царь глянул – на ковре всё ево царство как на ладони. Он так и ахнул:

– Ну, што хошь, а ковра я тебе не отдам!

Советник получил от царя двадцать тыщ рублей. Взял он деньги и думайть: «Ничево, я сабе другой закажу, не хуже».

Сел в карету и покатыл в слободу. Разыскал избушку, иде Андрей-стрелок живёт, стучица в дверь. Отворяить ему Марья-царевна. Царский советник одну ногу через порог занёс, а про другу забыл и онемел: стоять перед им така краса, век бы глаз от ея не отвёл, всё бы смотрел да смотрел. Тады Марья повернула ево за плечи и дверь закрыла. И с той поры он ни исть, ни пьёт: всё пред им, как в винном тумане, носилась стрелкова жена, как в извесной песне про титулярново советника. Заметил энто царь и стал пытать, што за така кручина у ево. Советник отвечат:

– Эх, видел я у стрелка тваво величества жану ево, всё о ей думаяю!

Проснулася у царя охота самому посмотреть на стрелкову жену. Не тока ж имперскими делами занимацца, от из одно перенапряженье. Одеся в простое

платье, поехал в слободу, нашёл избёнку Андрея-стрелка и стучица в дверь. Марья-царевна отворила, царь одну ногу через порог занёс, а другу и не может, совсем онемел от несказанной красоты. Марья, не дождавшись объяснений, повернула царя за плечи и дверь закрыла. Защемила царя сердечная зазноба. «Чево, – думаить, – хожу я не женат? Вот бы мне ету красавицу! Не стрельчихой же ей быть: на лбу написано быть царицей!» Задумался царь, как отбить Андрееву жену сабе, тут же перенапрягся и призывает советника:

– Надумай-ка мне, как извести Андрея-стрелка. Хочу на ево жене женица. Придумашь – награжу землями и вотчинами, не придумаешь – голова долой.

Закручинился советник, пошёл, нос повесил. Как извести стрелка? Он же метко стреляить! С горя завернул в кабак винца испити.

Подбегат к ему кабацкая теребень в рваном кафтанишке.

– Об чём, царский советник, пригорюнился, нос повесил?

– Поди прочь, кабацкая теребень!

– А ты мене не гони, лучше стаканчик винца поднеси, я табя на ум наведу.

Поднёс ему царский советник стаканчик винца и рассказал так и так. Кабацкая теребень и говорить ему:

– Извести Андрея-стрелка дело нехитрое – сам-то ён прост, да жана у ево больно хитра. Надоть вот што: загадать загадку таку, штоб ён с ей не справилси. К примеру, пушай царь пошлёт стрелка на тот свет узнать, как поживаить покойный президент Бранденбурх, который ему власть передал. Андрей уйдетъ, а назад не вернёца – ить оттудова не возвращаюца.

Советник бегом к царю:

– Так и так, можно стрелка извести! – и рассказал, куды нужно ево послать. Царь обрадовалси, велел Андрея-стрелка звать.

– Так што, Андрей, вот табе мой приказ: сгоняй на тот свет, узнай, как там сабе чувствуить наш бывший президент Бранденбурх, который мне власть передал. Не пойдёшь – секир башка будетъ.

Андрей воротился домой, сел на лавку и голову повесил. Марья-царевна его спрашиват:

– Што, Андреюшка? Иль невзгода какая?

Рассказал ей Андрей, какую царь задал ему службу. Марья подумала и молвить:

– Да об чём горевать? Ето не служба, а службишка, дело не сложно. Ложись спать, утро вечера мудренее.

Утром рано, Марья-царевна даёт Андрею мешок сухарей и золотое колечко.

– Поди к царю и проси сабе в товаришии царского советника, а то, скажи, табе не поверять, што на том свете побывал. А как выйдете в путь-дорогу, брось пред собой колечко, оно табя доведётъ, куды надо.

Андрей попросался с женой и пошёл к царю просить сабе дорожного товаришша. Делать неча, царь согласился и велел советнику итить с Андреем на тот

свет. Советник поартачился для порядку, но пошёл – куды денешься? Колечко катица, Андрей идёт за им полями чистыми, мхами-болотами, реками-озерами, а позади советник тащица. Устанут итить, поедять сухарей – и опять в путь. Блиско ли, далеко ли, скоро ли, коротко ли, пришли они в густой, дремучий лес, спустилися в глубокий овраг – и тут колечко остановилося. Глядь, мимо их на старом-престаром президенте два чорта дрова везуть – большущий воз – и погоняють президента дубинками, один с правого бока, другой с левого.

Андрей говорить:

– Смотри: никак, ето наш бывший президент Бранденбурх?

– Твоя правда, ето ён и есть.

Андрей закричал чертям:

– Эй, господа черти! Ну-к, ослобоните мне етово президента хучь на малое время, мне нужно кой о чём ево расспросить.

Черти отвечают:

– А чё, дрова, што ли, мы повезём?

– А вы возьмите у мене царсково советника на смену.

Ну, черти отпрягли президента, впрягли в воз советника и давай ево с обеих сторон дубинками погонять. А Андрей стал спрашивать про житьё-бытьё.

– Ах, уважаемый, – отвечать президент, – не сладко мое житьё здесь! Определили мене не в рай, как видишь, а чорти-куды. Назначили наказание за то, што не тому власть передал, ошибка вышла. Так што на царя вашево я в обиде: похоронил мене под дурацкий гимн, который я отменил, да ишо народ наш так нагнул, што не вздохнуть ему, не выдохнуть...

Тока успели они поговорить, черти уж назад ташшаца с порожней телегой. Андрей пожалел Бранденбурха, попрощался с им, и двинулися они с советником в обратный путь. Приходять в своё царство, являюца во дворец. Царь увидал стрелка и несказанно изумился:

– Как же ты воротился?

Андрей-стрелок докладат:

– Так и так, были мы на том свете и видели президента нашево Бранденбурха. Живёт он плохо, говорить, из-за вас, ваше величество, мол вы вертикаль устроили заместо обчественново управления, как он завещал, и наказывал людей впредь не обижать.

Тут царь стал ругаться, как сапожник, мол, покойный президент ему не указ, мол произошла историческая реставрация с божьей помощью. Однакость делать неча – отпустил Андрея домой. А сам говорить советнику:

– Думай ишо, как извести стрелка, ён ишо и на язык дерзкий! Не то твоя голова с плеч.

Пошёл царский советник обратно в кабак, нос повесил. Ну, тут как тут кабацкая теребень, котора за стаканчик ему и шепчеть:

– Вот што скажи царю: штоб задал ён стрелку вот какую службу – ея не то что выполнить, трудно и выдумать: послал бы ево за тридевять земель, в тридесятое царство добыть кота Баюна...

Советник тут же кинулся к царю, царь посылать за Андреем.

– Ну, Андрей, сослужи-ка мне другу службу: ступай в тридесятое царство и добудь кота Баюна. Не то голова долой.

Дома Андрей рассказал жене, какú нову службу задал ему царь.

– Есть о чем кручиницца! – отвечает Марья. – Это не служба, а службишка, служба будеть впереди.

Пошла Марья-царевна на кузницу и велела кузнецам выковать три колпака железных, клещи, строгий ошейник и три прута: один железный, другой медный, третий оловянный. Утром рано Марья-царевна будить Андрея:

– Вот табе три колпака да клещи и три прута, ступай за тридевять земель, в тридесятое царство. Трех вёрст не дойдешь, станеть одолевать табя сильный сон – кот Баюн дремоту напустить. Ты не спи, руку за руку закидывай, ногу за ногу волочи, а иде и катком катись. Ежели уснёшь, кот Баюн табе голову открутить – энто ево коронный номер.

Скоро сказка сказываеца, нескоро дело делаеца – пришёл Андрей-стрелок в тридесятое царство. За три версты стал ево одолевать сон. Надевать Андрей на голову три колпака железных, руку за руку закидыват, ногу за ногу волочить – но идеть, а иде и кубарем катица.

Кое-как выдержал дремоту и очутился у высокого столба.

Кот Баюн увидал Андрея, заворчал, зауркал да со столба прыг ему на голову – один колпак с размаху разбил, за им другой когтями разорвал, взялся за третий. Тут стрелок ухватил кота клещами, сволок наземь и давай оглаживать прутьями. Наперво сёк железным прутом, изломал, принялся угощать медным – и энто изломал, принялся бить оловянным. Оловянный прут гнёца, не ломица, вокруг хребта обвиваеца. И тут вдругорядь кот Баюн начал сказки рассказывать, нешто другой кот Васька: про попов, про дьяков, про опришников. Андрей ево не слушать, знай охаживат прутом.

Видить кот, што Андрея заговорить нельзя, взмолился:

– Ми-ау! Оставь мене, Андреюшка! Што надо, всё табе сделаю.

– А пойдешь со мной?

– Куда хошь пойду.

Андрей пошел в обратный путь и кота за собой повёл на строгом ошейнике. Добрался до сваго царства, являица во дворец.

– Так и так, службу выполнил, добыл вам кота Баюна.

Царь удивился и говорить:

– А ну, кот Баюн, покажи свои способности.

Тут кот свои когти точить и на царя позыркват, словно хочить свой коронный номер на ём показать с отрыванием головы. Царь испугался:

– Андрей, ну-к уйми сваво кота!

Андрей кота унял, на цепь во дворе посадил, а сам пошёл домой, к Марье-царевне. Живётъ-поживает даде со своёю женою. А царя ишо пушше знобить мысля прежняя – трудно он с одной мысли на другую перестраивался. Призвал обратно сваво советника, потопал на ево ногами. Тот ринулся к кабацкой теребени в рваном кафтанишке, просит ево ишо выручить, на ум навести. Кабацкая теребень стаканчик вина выпил, усы вытер.

– Ступай, – говорить, – к царю и скажи: пусть пошлётъ Андрея-стрелка туды – не знамо куды, принести то – не знамо што. Вот чево Андрей с жаной во веки веков не выполняют и назад ён не вернёца.

Советник побежал к царю, доложил. Царь посылат за Андреем.

– Сослужил ты мне две службы, сослужи третью: таперя сходи туды – не знаю куды, принеси то – не знаю што. Сослужишь – награжу, а нет – секир башка.

Пришёл Андрей домой, сел на лавку, пригорюнился. Марья-царевна спрашивает:

– Что, милый, невесел? Или ишо невзгода какая?

– Эх, – говорить он, – через твою красу все напасти несу! Велел мне царь идти туды – не знамо куды, принести то – не знамо што.

– Да, вот энто служба так служба! Похитрее будеть. Ну ничего, ложись спать, утро вечера мудренее.

Марья-царевна открыла свою волшебну книгу, читала всю ночь, потом бросила и за голову схватилася: про цареву загадку в той книге ничево не было сказано. Вышла на крыльцо, вынула платочек и махнула. Налетели всякия птицы, набежали всякия звери. Спрашивают их:

– Звери лесные, птицы поднебесные, – вы, звери, всюду рыскаете, вы, птицы, всюду летаете, – не слыхали ль, как дойти туды – не знаю куды, принести то – не знаю што?

Звери и птицы ответили:

– Нет, Марья-царевна, мы про то не слыхивали.

Делать неча. Утром рано Марья собрала Андрея в дорогу и дала ему клубок ниток и вышитый рушник.

– Брось клубок перед собой, – куды покатица, туды и иди. Да смотри, куды бы ни пришёл, будешь умываца, чужим рушником не утирайся, а тока моим.

Андрей попрощался с Марьей, поклонился на четыре стороны и пошёл за заставу. Бросил клубок пред собой, клубок покотился, а Андрей идётъ следом.

Скоро сказка сказываеца, не скоро дело делаеца. Много царств и земель прошёл Андрей. Стал клубок маленький, с куриную головушку; вот уж до чего стал маленький, не видно и на дороге. Дошёл Андрей до леса, видитъ – стоитъ избушка на курьих ножках.

– Избушка, избушка, повернися ко мне передом, к лесу задом!

Избушка повернулась, Андрей вошёл и видит – на лавке сидит седая старуха, прядёт кудель.

– Фу, фу, руссково духу слыхом не слыхано, видом не видано, а нынче русский дух сам явился! Вот изжарю тебя в печи да съем и косточками поиграюся.

Андрей отвечает старухе:

– Што ты, баба-яга, станешь исть дорожново человека! Ты наперёд баньку истопи, мене вымой, выпари, тада и ешь.

Баба-яга истопила баньку. Андрей выпарился, вымылся, достал женин рушник и стал им утирацца. Баба-яга насторожилася, как Штирлиц в анекдоте:

– Откуда у тебя этот рушничок? Ево моя дочь вышивала.

– Значить, твоя дочь мне жана, ето она мне рушник дала.

– Ах, ты туды мене в кудель, так ты ж мой зять получаишьси, а я тебя чуть не съела!

Собрала баба-яга ужин, наставила всяких кушаньев, вин и медов. Пока Андрей уплетал, сидела с им, выпрашивала: как на Марье-царевне женился да живут ли они хорошо? Андрей всё рассказал, в том числе и историю с царём приставучим, который послал ево не знамо куда, добыть то, не знамо што.

– Вот бы ты мне помогла, матушка!

– Эх, милай, знаить про енто одна старая лягушка-скакушка, живёт она в болоте триста лет... Ну ничево, ложись спать, утро вечера мудренее.

Наутро явились они на болото к лягушке, баба-яга прósить ея помочь делу. Лягушка отвечать:

– Знаю я, иде энто можно достать. Я б ево проводила, да больно стара, мене туда не допрыгать. Донесёт твой зять мене в парном молоке до огненной реки, тада скажу, иде. Баба-яга взяла лягушку-скакушку домой, надоила молока в горшок, посадила туды лягушку.

– Ну, зять дорогой, бери горшок с лягушкой, да топай до огненной реки, там слушай лягушку, што она тебе скажет.

У огненной реки выяснилось, што надо за реку, а через ея ни зверь не перескочить, ни птица не перелетить. Лягушка говорить Андрею:

– Вынай мене, добрый молодец, из горшка, надо нам через реку переправицца.

Андрей вынул лягушку и пустил наземь.

– Ну, добрый молодец, таперь садись мене на спину.

– Что ты, бабушка, чай, я ж тебя задавлю.

– Не боись, не задавишь. Садись да держись крепче.

Андрей сел на лягушку-скакушку. Начала она дуцца. Дулась, дулась – сделалася словно копна сена.

– Крепко ли держишься?

– Крепко, бабушка.

Опять лягушка дулась, дулась – стала ишо больше, словно стог сена.

– Крепко ли держишься?

– Крепко, бабушка.

Опять она дулась, дулась – стала выше темново леса, да как скакнёт – и перепрыгнула через огненну реку, а там стала обратно маленькой.

– Иди, добрый молодец, по этой тропинке, увидишь терем – не терем, избу – не избу, сарай – не сарай, заходи туды, там найдешь то – не знаю што.

Андрей пошёл по тропинке, видить: старая изба – не изба, тыном обнесена, без окон, без крыльца. Вошёл и видить на столе коробку, на ей написано: «Незнамо што». Открываить, а там таблетки какие-то и инструкция к им. Прочёл: «Принимать от патологической глупости по 1 табл. ближе к концу жизни». Обрадовался Андрей, што нашёл то, незнамо што, и побежал к огненной реке к лягушке. Та спрашивает ево:

– Добрый молодец, нашёл то – не знамо што?

– Нашёл, бабушка.

– Садись на мене.

Андрей опять сел на ея, лягушка начала раздуваться, раздулась, скакнула и перенесла его через огненную реку. А там он тут же уговорил её не сдувацца, а допрыгнуть до родимой сторонки в ево царстве. Опустилися они возле ево домишки, лягушка махнула обратно, а он сваво дома найти не может и видить вдруг: вместо домишки обгорелая труба торчить. Пригорюнился Андрей, голова ниже плеч, сел и сидить. Вдруг, откуда ни возьмись, прилетает сизая горлица, ударилась об землю и оборотилась ево молодой женой, Марьей-царевной. Обнялись они, стали друг друга спрашивать, друг другу рассказывать. Марья-царевна:

– С той поры как ты из дому ушёл, я сизой горлицей летаю по лесам да по рощам, как партизанка. Царь три раза за мной посылал, да мене не нашли и домишко сожгли.

Андрей говорить:

– Ничево, я другую избу построю.

Построил он пока шалаш, и тут во дворце проведали, што стрелок Андрей вернулся и живёт в шалаше, милуеца с молодой женой. Доложили царю. Царь разгневался, посылает за им, спрашивает, ходил ли Андрей туды – не знамо куды, принёс ли то – не знамо што. Андрей даёт ему коробочку с таблетками

– Што ето? – вопрошат царь.

– Таблетки от глупости, – отвечат Андрей. – Принимать при патологии ближе к концу жизни.

Тут царь совсем осерчал. А тем временем Марья-царевна отцепила кота Баюна, привела ево, почесала за ушком и шепнула ему што-то. Кот ка-ак прыгнет на царя и устроил над им свой коронный номер: оторвал ему голову. Так што зря царь таблетки отверг: можа поумнел бы и жив остался.

Вот и нашей сказке конец пришёл. Понабежал во дворец народ и стал просить Андрея-стрелка и Марью-царевну, шtbody чтобы взяли они в свои руки царство-государство. Они, конечно, для приличия поломались, но спорить не стали. С тех пор царство-государство их стало процветать, што неувидительно: одно дело, када им дурак-дураком править, и совсем другое, када хто поустрее.